

Лу Монин повернул голову, холодо взглянув. В его глазах не было и тени волнения, но спокойствие и уверенность, исходившие от него, невольно внушали доверие.

— Правда? Тогда, матушка Сюй, почему бы вам не отправиться в Дом Лу и не привести сюда так называемого «старшего сына»? Пусть господин Чжоу проведет проверку прямо здесь и сейчас. Как насчет того, чтобы он попытался воспроизвести ответы на экзаменационные вопросы и итоговую работу для дворцового экзамена? Посмотрим, кто из нас сможет это сделать?

— Вы... вы лжете! — занервничала матушка Сюй.

Как ее господин мог выучить все это? За эти годы, избалованный госпожой, он почти не занимался учебой, многие иероглифы даже не помнит, не говоря уже о том, чтобы воспроизвести ответы на вопросы дворцового экзамена...

Все присутствующие, наблюдая за реакцией матушки Сюй, сразу поняли, в чем дело.

Матушка Сюй резко повернулась и устремила взгляд на Цзинь Боюя, который не отрываясь смотрел на Лу Монина. Взгляд Цзинь Боюя был полон алчности, словно он увидел кусок лакомого мяса, и в его глазах читалась одержимость. Как он раньше не замечал, что Лу Монин выглядит даже лучше, чем Лу Шимин?

Теперь, присмотревшись, он действительно заметил разницу. Они были похожи на семь-восемь частей, но их характеры совершенно отличались. Особенно выделялись глаза Лу Монина — эти глубокие, словно волнующиеся воды, глаза-феникса, которые заставляли забыть, как вообще выглядел Лу Шимин.

Матушка Сюй бросилась к Цзинь Боюю, схватив его за рукав.

— Второй господин, мой старший сын добровольно согласился выйти замуж вместо второго сына. Не слушайте его, он просто передумал в последний момент. Вы должны защитить мою госпожу и моего второго сына! Это не их вина, что они обманули! Все это решение старшего сына!

Присутствующие лишь усмехнулись. Только что она отрицала, а теперь, увидев, что ситуация ухудшается, заговорила о добровольности?

Лу Монин презрительно усмехнулся и, подняв руку, обнажил изуродованную руку, покрытую кровотокающими ранами от уколов шпилькой.

— Господин Чжоу, мачеха и матушка Сюй, чтобы я не помешал их планам, дали мне большое количество снотворного. Чтобы прийти в себя, я нанес себе раны. Если бы я согласился добровольно, то почему они дали мне снотворное? В моем теле до сих пор остались следы препарата. Почему бы не пригласить врача, чтобы он это подтвердил?

Матушка Сюй открыла рот, но, стоя на коленях и побледнев, не смогла вымолвить ни слова.

— Я сделаю это! — внезапно вышел вперед пожилой мужчина.

Господин Чжоу наконец пришел в себя, глядя на матушку Сюй с гневом. Какая глупая женщина! Как она осмелилась оклеветать и уничтожить нового чжуаньюаня, назначенного самим императором, и заменить его никчемным человеком? Это было отвратительно!

Господин Чжоу повернулся к вышедшему пожилому мужчине и с облегчением сказал:

— Доктор Тянь, будьте добры.

Услышав, что это врач, матушка Сюй побледнела как полотно.

Доктор Тянь слышал о новом чжуаньюане этого года — шестнадцатилетнем юноше, умном и талантливом, чьи ответы на дворцовом экзамене были полны благородства. Он был настоящим перспективным талантом, и его чуть не погубили.

Подойдя, врач взял пульс Лу Монины и, поставив диагноз, слегка изменился в лице.

— Господин Лу действительно получил большое количество снотворного. Из-за потери крови и наличия яда в организме он смог прийти в себя...

— Яд? — все присутствующие вздрогнули. — Неужели Лян-ши была настолько жестокой?

Лу Монин, сдерживая гнев, опустил глаза и объяснил:

— Я хотел использовать шпильку, чтобы прийти в себя, но снотворное было слишком сильным. Позже в карете оказалась змея, которая укусила меня. Яд змеи частично нейтрализовал снотворное, и это помогло мне прийти в себя, фактически спасло меня.

Доктор Тянь достал из кармана флакон с лекарством.

— Это временно облегчит действие яда. Примите одну таблетку, а я приготовлю рецепт, чтобы вывести остатки яда из организма, иначе это оставит последствия.

Затем он повернулся к господину Чжоу.

— Господин Чжоу, я думаю, это дело нужно доложить императору. Сегодняшняя свадьба, похоже, не состоится. Начнем судебное разбирательство, а я пока подготовлю лекарство.

Матушка Сюй онемела. Как она могла предположить, что, несмотря на такое количество снотворного, он все же смог прийти в себя? Что же теперь делать?

Цзинь Боюй нахмурился. Свадьба не состоится? Он не мог...

— Боюй! — наконец подросел канцлер Цзинь.

Ознакомившись с ситуацией, он сразу понял, что его никчемный сын снова влюбился в Лу Монины. Если бы это был кто-то другой, он бы не возражал, но Лу Монин — это чжуаньюань, назначенный императором. Как он мог стать мужем его сына? Этот негодяй хотел, чтобы его отец побыстрее покинул политическую арену?

— Отец! — Цзинь Боюй смотрел на Лу Монины, чувствуя, как в душе разгорается страсть.

Какой красавец! Как он мог раньше думать, что Лу Шимин красив?

Лу Монин посмотрел на Цзинь Боюя. В прошлой жизни он очнулся в свадебной комнате после церемонии. Чтобы спастись, он также использовал шпильку, чтобы ранить себя, но тогда он был слаб и беспомощен, все происходило очень неуклюже. Позже Цзинь Боюй, пьяный, вошел в комнату, и он, сопротивляясь, ранил его. Тогда он был отравлен и не мог говорить, и Цзинь Боюй в гневе приказал сломать ему руки и ноги. Чтобы избежать скандала с семьей Лу,

канцлер Цзинь замолчал дело и запер его в заднем дворе, а семья Лу так и не пришла за ним. Именно поэтому дело не получило огласки.

Он не ожидал, что в этой жизни он не будет так унижен, и Цзинь Боюй обратит на него внимание.

— Хватит говорить! — канцлер Цзинь бросил гневный взгляд на сына.

Обычно он позволял ему поступать, как тот хотел, но на этот раз он согласился на брак с женщиной только потому, что семья Лу произвела нового чжуаньюаня. В последние дни он часто слышал, как император хвалил Лу Далана. Если бы император узнал, что он принудил назначенного им чжуаньюаня, ему не хватило бы и ста жизней, чтобы искупить свою вину.

Свадьба с семьей Лу, похоже, не состоится.

— Позовите господина Лу и госпожу Лу, — приказал он. — Я хочу обсудить с ними этот вопрос. Если они изначально не хотели этого брака, разве я мог бы их заставить? Теперь они поступают так, словно не уважают нашу семью Цзинь и хотят унижить нас!

Канцлер Цзинь также разозлился. Семья Лу действительно отвратительна!

— Отец... вы хотите отменить свадьбу? — сквозь зубы спросил Цзинь Боюй, с жадностью глядя на Лу Монию.

Тот, вероятно, снова почувствовал действие снотворного, его лицо было бледным, взгляд рассеянным, но благодаря красивым глазам-фениксам, он выглядел как крючок, затягивающий в свои сети. Его красота была очаровательной, но сдержанной, что только усиливало его привлекательность.

Цзинь Боюй понимал, что не сможет жениться на этом человеке, но если семья Лу осмелилась его обмануть, то она должна быть готова к его гневу!

— Конечно, сын мой, я обязательно добьюсь справедливости для тебя, — сказал канцлер Цзинь, его глаза стали мрачными.

Он уже хотел приказать управляющему отправиться в дом Лу, но Цзинь Боюй остановил его.

— Отец, я понимаю ваши намерения, но сегодня мой свадебный день, и мы не можем просто остановиться. Если с новобрачным что-то не так, то давайте приведем правильного человека и продолжим церемонию!

Лу Шимин не хотел выходить за него замуж? Тогда он именно его и возьмет!

Лу Монин посмотрел на Цзинь Боюя, понимая его намерения. В его глазах мелькнула тьма. Такой человек, как Цзинь Боюй, потеряв лицо, обязательно захочет восстановить свою репутацию. В прошлой жизни он также узнал об обмане, но тогда прошло уже три года, и он потерял интерес, не став преследовать виновных.

Но позже он не оставил никого из них.

Лу Монин теперь с нетерпением ждал, как Цзинь Боюй поступит с Лу Шимином, если тот окажется на его месте.

Однако, вспомнив о своей мачехе, он не верил, что она сдастся так легко. Она была мастером в

том, чтобы притворяться жертвой.

Лу Монин усмехнулся, подняв глаза, в которых вновь появилась ясность и чистота юноши. Он остановил канцлера Цзинь и тихо сказал:

— Канцлер, если мы просто пойдем туда, мачеха, вероятно, не признает свою вину, а, напротив, обвинит других. Тогда все может обернуться против нас...

Лу Монин сейчас не мог ничего сделать, но это не означало, что он не мог добавить проблем своей мачехе и сократить ей жизнь.

Канцлер Цзинь, прошедший много лет в политике, сразу понял намек Лу Монина. Он посмотрел на дрожащую матушку Сюй, которая явно не была доброжелательной, и его лицо сразу же потемнело. Он сделал знак и тихо отдал приказ.

<http://bllate.org/book/16611/1518788>